

По сравнению с Ци Сяоюем, Ю Чжоу, занявший первое место, был гораздо вежливее. Он выбрал позицию рэпа, которую никто не выбрал, как король, который не дрался и не хватал, резко контрастируя с Ци Сяоюем.

Ци Сяоюй поднял брови, он не хотел заниматься такой ерундой.

После выбора песен все были разделены на две разные тренировочные комнаты в соответствии с выбранными песнями.

Дон Фан, Ю Чжоу и Жэн Фэй отправились на «Снова любовь».

Ци Сяоюй, Гу Лэй и еще восемь человек отправились на «В одиночестве без тебя».

Как только они вошли, преподаватель вокала уже сидел перед пианино, ожидая их.

Инструктор по вокалу — Юань Ялин. Это мужчина средних лет, за пятьдесят. У него густые брови и большие глаза. Его чрезмерно густые волосы аккуратно зачесаны за уши. На нем выглаженная белая рубашка и черный костюм с пестрым воротничком. Просто взглянув на его одежду, можно сказать, что он строгий академик.

У него было несколько хитовых пластинок двадцатилетней давности и несколько песен, которые широко исполнялись и теперь их можно услышать на крупных вечеринках.

Но со сменой времен он сам немного устарел.

Юань Ялин наблюдал за группой участников, поприветствовал вошедшего Гу Лэя, а затем заметно нахмурился, увидев Ци Сяоюя.

Ему не очень нравится этот парень.

С его точки зрения, для неприязни к Ци Сяоюю вряд ли нужны дополнительные причины. В конце концов, кроме этих маленьких фанатов, которые смотрят только на внешность, кому понравится такой человек практически без таланта?

Те, кто слаб по силе, не стремятся к прогрессу. Они только и знают, что ловить рыбу в мутной воде каждый день, занимая первую позицию и мешая другим.

На сцене, где он присутствует, за ним в основном ухаживает весь персонал.

Такой участник должен был быть устранен в соответствии с его силой, но из-за его популярности его сохранили до сих пор, и он получил гораздо больше экранного времени, чем

те, кто усердно работал, но имеет низкую популярность.

Юань Ялин ненавидел такую систему соревнований, фокусирующуюся только на движении, а не на силе, и даже больше, он ненавидел себя за то, что пришел участвовать в этом шоу за такую небольшую популярность и вознаграждение.

Все отвращение было сложено вместе, и оно удвоилось к Ци Сяоюю.

Ци Сяоюй — порождение этой абсурдной эпохи и свидетельство его собственной несостоятельности.

Затем, после того, как Юань Ялин закончил расспрашивать всех о распределении ролей, он был удивлен еще больше.

Как посмел Ци Сяоюй выбрать партию вокалиста высокого уровня?

Хотя эта песня создана для участников и общая сложность невелика, партия солиста — эмоциональный взрыв всей песни, самая привлекательная часть, с несколькими сложными переходами, которые нелегко контролировать. Это требует от певца отличных навыков и тонкого владения звуком.

Ци Сяоюй, очевидно, этого не имел.

Юань Ялин сочувственно посмотрел на Гу Ляя, а затем сказал Ци Сяоюю:

— Выйди, прочти партитуру и спой.

Все взгляды сразу устремились на Ци Сяоюя.

Ци Сяоюй взял два листка бумаги и сделал шаг вперед.

Он выбрал партию солиста, но сейчас не знает, как ее спеть.

На самом деле, еще в начале выбора песни и когда он впервые получил нотацию, Ци Сяоюй был ошеломлен некоторое время.

Он не умел читать упрощенные обозначения.

Когда Ци Сяоюй изучал оперу в оперной труппе, западные штатные обозначения¹ и пронумерованные нотные записи² только недавно были изобретены. Старые мастера в труппе смотрели свысока на эти методы записи, и они использовали только традиционную

китайскую музыкальную нотацию, Гунчэ³.

В качестве одного из традиционных методов обозначения, в нотации Гунчэ используются такие символы, как гун и че, для обозначения силы ритма и высоты звука, что сильно отличается от нотации посоха и нумерации.

В традиционных операх и на музыкальных инструментах тонкие тона и переходы, записанные в партитуре Гунчэ, вообще не могут быть отражены в нотации персонала или нумерованной нотации.

Таким образом, нотация Гунчэ намного сложнее, и мало кто об этом знает.

Позже, когда в Китае стали популярны штатные обозначения и нумерация, Ци Сяюй выучил почти все классические арии.

Его учитель, мистер Чэн, который всю свою жизнь пел в операх, сказал: «Ритм и суть Пекинской оперы зависят от собственного понимания, и только скучные и жесткие западные песни требуют партитуры. Нам это не нужно».

Но прямо сейчас его немного смущала невозможность прочитать нумерованные обозначения.

В демо, которое только что было воспроизведено, была только одна или две строчки из партии, которую собирался спеть Ци Сяюй.

Ци Сяюй неподвижно встал перед пианино, уцепил пальцами край листа бумаги, несколько раз потер его и сказал смиренным тоном:

— Учитель Юань, не могли бы вы сначала спеть куплет, чтобы я мог выучить вместе с вами?

Юань Ялин продемонстрировал стандартную восьмизубую улыбку и сказал:

— Все в порядке, не нервничай, спой несколько строк в соответствии с партитурой. Я просто хочу увидеть твою основу. — После он указал на остальных и сказал: — Сначала споет Ци Сяюй. Затем вы, ребята, можете подходить по очереди в соответствии с порцией и готовиться.

По сути, он загоняет утку на насест⁴, вынуждая Ци Сяюя выступить.

(4. Заставлять людей делать то, что выходит за рамки их возможностей.)

Уровень пения первоначального владельца очень плох. Только что он выразил желание

научиться, прежде чем петь, но Юань Ялин настоял, чтобы он запел немедленно. Разве не ясно, что он хотел выставить его дураком на публике?

Ци Сяоюй быстро вспомнил сюжет в своей голове. Он не помнил никаких обид между собой и своим наставником Юанем. Конечно, возможно, что оригинальная книга этого не объясняла.

Ци Сяоюй еще раз взглянул на обозначения в своей руке. Он изучал пронумерованные обозначения, пока другие люди выбирали песни. На самом деле, он мог угадать, какому звуку соответствует каждое число и какое значение представляют разные ноты.

Просто времени было слишком мало. Он успел задать Жэн Фэю только один вопрос, и больше никто ему не ответил, так что ошибки и неопределенность были неизбежны.

Кроме того, сегодня утром, когда он практиковал свое горло, он обнаружил, что тело первоначального владельца было слишком слабым, объем легких был низким, дыхания — недостаточным, а навыков пения почти не было. Ему требовалось достаточно времени, чтобы постепенно отрабатывать все эти недостатки.

Врожденный талант уже невелик, к тому же он не может прочитать партитуру...

Было бы слишком унижительно просто так петь.

Он, Ци Сяоюй, столько лет исполнял оперы, и ему никогда не было так неловко перед другими...

Ци Сяоюй подумал и тихо вздохнул. Краем глаза он заметил, что все смотрят на него с таким выражением лица, словно едят дыни и смотрят спектакль.

Возможно, первоначальный владелец и эти люди не затаили зла, но из-за того, что он занимает высокое положение и его сила невелика, это вызывает зависть. Он может понять злобу этой толпы.

Юань Ялин нажал несколько нот на пианино и спросил нежным голосом:

— Ты готов?

Ци Сяоюй еще раз взглянул на оператора и вездесущие камеры, окружающие их в комнате, и сразу же принял решение. Поскольку другие хотят добавить к нему внимания, он должен просто добавить больше сцен к себе.

Ци Сяоюй встряхнул бумагу, расправил ее перед собой, а затем нахмурился с озадаченным выражением лица. Он пел неумело, не пытаясь контролировать беспорядочное дыхание

первоначального владельца.

Твоя любовь,

Твои цветы,

Твои аплодисменты,

Честь, которую ты мне оказал,

Спасибо, что прогулялся со мной.

Я всегда буду хранить это в своем сердце.

Слова произносились с перерывами, и высота звука всегда немного отличалась от точной мелодии, как у старого аккордеона, издающего скрипучий и уродливый звук.

— Пффф.

После того, как он закончил последнее предложение дрожащим окончанием слова «сердце», некоторые участники громко рассмеялись.

Гу Лэй, который все это время молчал, презрительно скривил губы.

Юань Ялин убрал руки с пианино, сложил их на коленях, посмотрел на него с очень серьезным и растерянным выражением лица и спросил:

— Ци Сяюй, ты знаешь, что берешь на себя ведущую вокальную партию, самую важную часть всей песни?

Ци Сяюй опустил голову и тихо сказал «гм».

Брови Юаня Ялина изогнулись, и он продолжил с сожалением в голосе:

— Но сейчас ты в таком состоянии, твое дыхание прерывистое, и твое пение... не сильно. Высокие ноты не могут подняться, а низкие не могут развернуться. Я думаю... возможно, ты не подходишь для такой важной роли.

Все операторы повернули свои камеры в сторону Ци Сяюя.

Ци Сяюй опустил голову и ничего не сказал, но его губы и пальцы слегка дрожали. Он выглядел беспомощным и растерянным, как бедный ученик, получивший выговор от учителя.

Юань Ялин задал еще один вопрос:

— Ты выбрал эту песню, и я буду отвечать за то, чтобы хорошо научить тебя. Но эта часть может оказаться слишком сложной для тебя, так что подумай еще раз. Ты хочешь поменяться ролями с другими учениками?

Ци Сяюй опустил голову и сказал голосом, словно был готов разрыдаться:

— Ну, я знаю, что мой уровень не очень хорош. Но я хочу стараться изо всех сил. Перед финалом я буду усердно тренироваться.

После того, как Ци Сяюй закончил говорить, он поднял руку, чтобы вытереть глаза, затем повернул голову, чтобы посмотреть в сторону режиссерской команды, и тихо спросил:

— Режиссер, если я сейчас изменю роль, у вас возникнут какие-нибудь проблемы?

Режиссер тоже на мгновение был ошеломлен. Он не ожидал, что Ци Сяюй задаст этот вопрос им всем сразу.

Юань Ялин не ожидал, что Ци Сяюй, который обычно сдавался, сталкиваясь с трудностями, сегодня будет таким упрямым.

— Нет, ты не можешь сейчас меняться ролями.

Режиссер был ошеломлен лишь на некоторое время, прежде чем пришел в себя. Они сделали так много аранжировок раньше, чтобы позволить им выбирать роли в соответствии с их рейтингом. Если роли будут изменены, зрители и фанаты будут ругать их до смерти.

Команда режиссеров уже высказалась, и Юань Ялин больше ничего не мог сказать, поэтому он мог только сгладить ситуацию для себя.

— В этом случае, Ци Сяюй, тебе нужно поторопиться и усердно тренироваться. Следующая очередь Гу Ляя.

Последующие записи проводились в соответствии с установленными процедурами. Инструктор пел, ученики подпевали, а затем один за другим тренировались. В конце концов, ничего

странного не произошло.

Послушав пение Юань Ялина, Ци Сяоюй немедленно вынес общее суждение.

В глубине души он прикинул, что до финала осталось еще более десяти дней. Имея всего семь или восемь строк текста, если бы он потренировался, его выступление в нужный день определенно не стало бы проблемой. Он мог бы быть даже лучше, чем этот инструктор, Юань.

Однако пока ему приходится не торопиться и вести себя так, будто он делает это шаг за шагом, полагаясь на свои постоянные усилия добиться правильного пения.

Только так он сможет изменить свое впечатление в сознании окружающих, позволить команде режиссера дать ему больше кадров и добиться максимального эффекта от сценария.

Он взглянул в камеру в учебном классе и решил проторчать всю ночь.

Часы на стене тикали, и стрелки перешли с двенадцати часов на три.

Ночь за окном становится все темнее и темнее.

Остальные ушли один за другим, и даже оператор отпросился с работы.

Ци Сяоюй был единственным, кто остался в тренировочном зале.

Ци Сяоюй стоял, прислонившись к стене, поставив одну ногу на пол, а другую согнув перед грудью, держа в руке мятую бумагу и напевая текст песни. При ближайшем рассмотрении, за исключением сильной усталости в его голосе, его слух больше не был проблемой.

Но Ци Сяоюй не чувствовал особой усталости.

Когда он был в оперной труппе, независимо от того, насколько холодно или жарко было, он должен был делать стойку лошади, расставлять ноги, петь и медИчировать каждый день... Несмотря ни на что, это было намного сложнее, чем сейчас.

Он все еще помнил ту зиму, когда их учитель попросил всех поставить таз с ледяной водой себе на голову во время выполнения стойки лошади. У него была высокая температура, и он чувствовал, что на его голову давит тысяча фунтов, из-за чего он не мог твердо стоять. Все замерзли и дрожали от холода.

Мастер так и не дал ему вытереться, жестоко избивая его метлой.

Он не знал, сколько прошло времени, но в коридоре снаружи снова стало оживленно.

За окном был пасмурный день поздней осени и начала зимы. Он не мог сказать, который был час, но, вероятно, было уже поздно, поэтому Ци Сяюй встал и планировал вернуться в спальню, чтобы немного поспать.

После нескольких часов сидения на земле у него затекли ноги. Он встал и размял затекшие конечности, одновременно доставая телефон, чтобы проверить время.

Прошлой ночью он поставил свой телефон на беззвучный режим, потому что ему нужно было записывать шоу.

Когда он открыл его, то увидел пропущенный вызов и два или три сообщения.

Это был номер телефона дяди Чэна, который был сохранен только вчера.

Ци Сяюй думал о том, почему дядя Чэн искал его. Не может быть, чтобы Сюнь Цянь искал его, верно?

Оказалось, что Сюнь Цянь действительно искал его: «Третий мастер ищет тебя, возвращайся немедленно».

<http://bllate.org/book/14326/1268793>